

бодневностью и остротой инвективы, использовала нападки самого злоречивого ямбографа. В этой области Кратин многое заимствовал у Архилоха. Архилоховскую инвективу на его друга Перикла Кратин мог вполне переадресовать Периклу Афинскому — постоянному объекту своих насмешек, против которого были направлены его комедии "Немесиды" и "Дионисалександр". Вряд ли Кратин цитировал Архилоха дословно, скорее и здесь он его перефразировал. Думается, что нет достаточных оснований считать фр.124 в не принадлежащим Архилоху и почти целиком приписывать его Кратину. Даже если Кратин воспользовался им, основой были подлинные стихи Архилоха.

П р и м е ч а н и я

¹ Архилох цит. по изданию: *Jambus et elegi graeci ante Alexandrum cantati. Vol. I / Ed. M.L. West. Oxford, 1971* (далее в тексте только номер фрагмента).

² *Archiloque. Fragments / Ed. F. Lasserre, A. Bonnard. Paris, 1958, fr. 94.*

³ *The fragments of Attic comedy. Vol. I / Ed. J. M. Edmonds. Leiden, 1957, fr. 328.*

⁴ *Medaglia S.M. Note di esegesi archilochea. - Bollettino dei classici, 1982, Suppl., N 4, p. 113-122.*

⁵ Причастие πῖνον заменено существительным πῖνον.

⁶ *Aristides ex recensione I. Dindorfii. Vol. II. Lipsiae, 1829, oratio 46, v. 293-294.*

⁷ *The fragments of Attic comedy, fr. 328.*

⁸ *Ibid., p. 22.*

⁹ *Medaglia S.M. Note di esegesi archilochea, p. 120.*

М. В. Рогинская

РОЛЬ ПРИСТАВОК В НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ КОМПОЗИТАХ У ГЕРОДОТА

Глагольные приставки модифицируют обозначаемое простым глаголом действие. Характер этой модификации различен для глаголов с разным лексическим значением. В глаголах пространственной семантики префиксы по преимуществу сохраняют свой четкий

локальный смысл, выступая в роли пространственных ограничителей (или уточнителей) изображаемого действия. В глаголах пространственной семантики либо проявляется исходное, обстоятельственное значение приставки, либо обнаруживается лексически ослабленное, "побледневшее" значение, а иногда и полная утрата реального смысла. Во втором случае говорят о формализации приставки и превращения ее в грамматическое средство с большей или меньшей степенью абстрактности характеризовать глагольное действие с точки зрения его протекания и достижения им своего предела.

В славянских языках категория предельности стала главным стержнем механизма глагольного видообразования, а приставки оказались вовлеченными в орбиту аспектуальных противопоставлений. Греческий язык способен к видовой соотнесенности, которая реализуется посредством временных форм: имперфект и аорист имеют отчетливую аспектуальную семантику. Тем не менее некоторые приставки проявляют свойство "перфективировать" глагол — указывать на полноту совершения действия и его исчерпанность. Это приставки *'αλο-*, *'εκ-*, *κατα-*, *συν-*, *προ-*, а также и *δια-*. И хотя вопрос о "перфективирующей" роли префиксов является нерешенным,¹ а данные древнегреческого языка предоставляют возможность с одинаковым успехом подтвердить каждое из двух противоположных мнений,² глагольные композиты с указанными приставками действительно обозначают завершенность, результативность, "конфективность"³ действия.

В некоторых глагольных сложениях употребление приставок связано с качественной характеристикой — с их помощью подчеркиваются интенсивность, экспрессивность, негативность и другие особенности действия. Иногда соединение префиксов с глаголами приводит к развитию совершенно особого значения композита. Лексико-семантические возможности каждой приставки более или менее подробно описаны в словарях. И хотя очевидно, что функции приставок широки и разнородны, при переводе они часто остаются без должного внимания.

Однако достаточно сравнить хотя бы несколько глаголов (например, *πίνω* 'пить' и *εσθίω* 'есть') в их приставочном и бесприставочном употреблении в "Истории" Геродота, чтобы убедиться, что "пустых" приставок нет, что они способны вносить самые разнообразные семантические оттенки в значение глагола.

Глагол *πίνω* употребляется регулярно в рассказах о том, что пьют представители разных племен и народов (около 30 случаев). С приставками он встречается 11 раз: по одному разу с *'εκ-*, *'αλο-*, *συν-*, по два с *'εν-* и *δια-* и четыре раза с *κατα-*.

Композит *'ακολίω* использован в следующем описании: скифы, заключая договор о дружбе, смешивают кровь участников договора с вином, молятся и затем пьют (*'ακολίνουσι*) и сами совершающие клятвы и из остальных наиболее достойные (4.70). Судя по данным словарей, это малоупотребительное глагольное сложение — обычно приводится этот пример из Геродота и два из поздних авторов. Можно предположить, что глагол имеет окказиональный характер и употреблен с той целью, чтобы обозначить действие как неполное, последовательно совершаемое всеми участниками, т.е. такое, которое выражается русским отпить (по очереди).

В 4.199: *ἔτε ἐκλεκτοῖ τε καὶ καταβέβρωται ὁ πόθος καρπός...* 'когда первый урожай и выпит и съеден' оба глагола стоят в перфекте, который ясно указывает на исчерпанность действия. Но они оба дополнены приставками, которые, по-видимому, должны усилить это значение результативности. А если при переводе использовать русскую приставку *до-*, то она не только отразит "конфективирующую" роль *'εκ-* и *κατα-*, но и обозначит некоторую временную протяженность этого действия: "когда первый урожай допит и доеден...".

Социативное значение префикса *συν-* в 2.121 очевидно: *μετ' ἑωυτῶν συμπίπειν* 'выпить вместе с ними'. А вот роль *δια-* в 2.16 и в 5.18 не определить однозначно: *διὰ τινόντων τὸν Πέρσην...* *εἰρέσθαι* 'спросили одного перса из бражничавших' и *διὰ τινόντες εἶπαν οἱ Πέρσαι τάδε...* 'бражничая, персы сказали вот что'. Следуя рекомендациям словарей, можно считать приставку средством, подчеркивающим интенсивность действия ("пить без удержу", "напиваться", "бражничать"). Если же принять во внимание ее способность не только к качественной, но и количественной характеристике действия, то можно допустить, что в обоих этих случаях она служит изображению процесса, действия в его протекании: "распивающие вино", "распивая вино".

Интересно проявляет себя приставка *'εν-* в сложении с *πίνω*. Таких случаев два: 4.64 — когда скиф убивает своего первого вра-

га, он пьет его кровь: τοῦ αἵματος ἐπιίνει и 3.11 – египетские наемники из мести убивают на виду у отца обоих его сыновей, смешивают их кровь с водой и вином и, выпив кровь (ἐπιίνοντες δὲ τοῦ αἵματος), бросаются в бой. Питье человеческой крови – явление необычное, автором не одобряемое, и выразителем этого выступает композит ἐπιίνω. Человеческая кровь участников договора в 4.70 (с глаголом ἀποίνω) служит другой цели – установлению "кровного" союза. Нейтральным бесприставочным глаголом описывается питье крови животного: 3.15 – αἷμα ταύρου πίνω ἀλέσσει παραυρῆμα 'выпив бычьей крови, тотчас скончался'. И у других авторов этот композит (хотя и не в таких устрашающих контекстах, как у Геродота) изображает действие негативное и отличается явной стилистической сниженностью: "пить жадно, алчно, хлебать" и т.д. Он выступает тогда, когда, как сказано в "Tezaurusе", notanda forma vitiosa.

Весьма любопытны отношения глагола с приставкой ката-. Во всех четырех случаях употребления этого композита субъект действия – животные: птица трохил выклевывает (καταλίπει) пиявок из пасти крокодила – 2.68; крокодил заглатывает приманку – хребет поросенка (καταλίπει) – 2.70; рыбы проглатывают (καταλίνουσι) снесенную самками икру, а из уцелевших (ἐκ τῆς καταλίνομένης) икринок рождаются маленькие рыбки – 2.93 (дважды). Очевидно, что называемые действия различны у всех этих животных, а потому вряд ли глагол служит изображению общего для них специфического акта. Последовательность нашего автора в использовании этого композита вызвана другим: сложение глагола с приставкой так изменило его собственное значение, что он в большей степени оказался способен обозначать процесс поглощения пищи, нежели только питье, и стал почти так же экспрессивно-стилистически маркирован, как и глагол ἐπιίνω. У Гесиода Крон проглатывал (κατέλιπε) своих детей, аналогичные примеры есть и у других авторов. Поэтому Геродот, рассказывая о животных, которые являются ἄποτοι, употребляет нейтральный бесприставочный глагол: οἱ γὰρ δὴ πίνοσι 'и они действительно не пьют' – 4.192.

Глагол ἐσθίω встречается у Геродота всего в четырех местах. Описывая гастрономические привычки разных народов, он предпочитает глагол στένομαι (26 случаев). В сложении с пристав-

ками эти глаголы выступают следующим образом: три раза – ἐσθίω, восемь – κατεσθίω и дважды мы обнаруживаем καταστένομαι.

Все три употребления ἐσθίω связаны со следующим эпизодом: потомство змей, чтобы появиться на свет, прогрызает (разъедает, разрывает) ей чрево – 3.109. Здесь собственное значение префикса отчетливо дополняет и конкретизирует изображаемое действие. А приставка ката- сообщает глаголам такую же качественную характеристику, какую мы наблюдали в композите καταλίνω: в трех описываемых ситуациях субъекты действия – животные (или твари) – 1.78: кони поедали (κατέσθιον) змей; 3.16 (дважды): египтяне считают огонь тварью, которая способна все пожирать (κατεσθίειν), чтобы умереть вместе со съеденным. Если же действия совершаются людьми, то в анимальных, исключительных, крайне отрицательных и неприглядных обстоятельствах – 3.38: Дарий предложил, вопреки обычаям, эллинам съесть (καταστέσθαι) тела своих покойных родителей, а каллатям, которые обычно поедают (κατεσθίουσιν) своих покойников, съездить их; 3.25: когда у солдат Камбиса кончилось съестное, они съели (κατέφαγον) по хребту каждого десятого; 8.115: персы добивали себе пропитание грабежом, а если это было невозможно, пожирали (κατέσθιον) траву, листья, кору и т.д. Можно добавить, что такая же негативная семантика обнаруживается и у глагола κατασθίνομαι 'угощаться, пировать': автор использует его в описании противоречивых обычаев некоторых народов убивать и затем поедать своих больных или состарившихся соплеменников – 1.216, 3.99.

Анализ этого конкретного, хотя и очень небольшого языкового материала позволяет нам еще раз подчеркнуть важность такого способа глагольного словообразования, как префиксация. Создание сложных глаголов – результат потребности в наглядной, обстоятельной передаче действия, которое с прибавлением приставки становится живым и выразительным. Наши наблюдения были ограничены только лексико-словообразовательными способностями отдельных греческих префиксов. Привлечение широкого круга глаголов даст возможность говорить не только о лексических изменениях в некоторых композитах, но и об участии приставок в организации лексико-грамматических разрядов, об их способности к регулярным модификациям значений простых глаголов, т.е. об их

роли в способах глагольного действия. Рассмотрение вышеприведенных примеров имело целью лишь в каждом конкретном случае выявить ту дополнительную модификационную информацию, которая порождается взаимоотношениями конкретной приставки с определенным глаголом.

П р и м е ч а н и я

1 "Перфективирующую" роль глагольных приставок в древнегреческом признавали такие ученые, как, например, К. Бругман (Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. 2. Bearb. Bd 2. T.3. Straßburg 1913, S.482-484), Я. Ваккернагель (Wackernagel J. Vorlesungen ueber Syntax. 1. Reihe. 2. Aufl. Basel, 1926, S.181). Многие ее отрицали, в их числе и Э. Швинер, утверждавший, что при "последнении" исходного смысла приставки даже и в сравнительно позднее время просматривается ее собственное значение (См.: Schwyzler E., Debrunner A. Griechische Grammatik. Bd 2. München, 1950, S.268).

2 По наблюдениям Э. Пурди (Purdie E. The perfectiv "aktionsart" in Polybius. - Indogermanische Forschungen, 1898, Bd 9, S.61-163) в койне "конфективирующей" способностью обладали приставки $\sigma\upsilon\upsilon\text{-}$, $\epsilon\kappa\text{-}$ и $\delta\iota\alpha\text{-}$. Это положение опроверг Г. Мельцер (Meltzer H. Vermeintliche Perfektivierung durch präpositionale Zusammensetzung im Griechischen. - Indogermanische Forschungen, 1901, Bd 12, S.319-372).

3 Schwyzler E., Debrunner A. Griechische Grammatik, S. 266.

4 Thesaurus Graecae Linguae / Ed. C.V. Nase et G.Dindorf, L.Dindorf. Vol. 3. Paris, 1835, p.110.

В.П.Смышляев

К ВОПРОСУ О МЕТРИЧЕСКОЙ СХЕМЕ ЭПИЧЕСКОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Понятие эпической формулы (поэтического фразеологизма) предполагает, как известно, не только лексико-семантическую устойчивость, но и стабильность метрической схемы. Регулярно воспроизводимые формулы гомеровского эпоса повторяются или исключительно или предпочтительно в одной и той же "закрепленной" позиции гексаметра. Так, $\Delta\iota\omicron\upsilon\epsilon\nu\eta\varsigma$ $\text{'}\chi\iota\lambda\lambda\epsilon\upsilon\varsigma$ будет постоянно появляться в первой половине стиха, тогда как $\lambda\omicron\beta\alpha\varsigma$ $\delta\iota\kappa\tau\iota\varsigma$ $\text{'}\chi\iota\lambda\lambda\epsilon\upsilon\varsigma$ вводит то же самое имя собственное в конце гексаметра.